

Иосиф Бродский отказался жить с чужим сердцем в груди

Роман, правда, — 1997 — 27 авг. — с. 4

В этом году исполняется десять лет со дня присуждения Нобелевской премии самому загадочному русскому поэту XX века

Чтение Бродского и о Бродском, и особенно писание о нем, переполняет вас неизяснимой печалью.

Впрочем, объяснение есть. В одном интервью прозвучал вопрос о страшном одиночестве, какое исходит от его стихов. Он ответил: «Да, так и есть. Ахматова сказала то же самое». Его друг, поэт, уточнил в некрологе: «Иосиф Бродский обладал той артистической и этической свободой, за которую приходится платить чистотой, то есть одиночеством!».

Над одним из лучших фрагментов его прозы стоило бы зарыдать, не удерживая вас от того сухой стиль изложения:

«Сегодня мне сорок пять лет. Я сижу голый по пояс в гостинице «Ликабетт» в Афинах, обливаясь потом и поглощая в огромных количествах кока-колу. В этом городе я не знаю ни души... Я брел по какой-то бесконечной главной улице, с бесконечными классонами, запруженной то ли людьми, то ли транспортом, не понимая ни слова, — и вдруг мне пришлось в слове, что это и есть тот свет, что жизнь кончилась, но движение продолжается; что это и есть вечность.»

Сорок пять лет назад мать дала мне жизнь. Она умерла в позапрошлом году. В прошлом году — умер отец. Их единственный ребенок, я, идет по улицам вечерних Афин, которых они никогда не видели и не увидят. Плод их любви, их нищеты, их рабства, в котором они и умерли, их сын свободен...»

Следует добавить, что ему было отказано во въезде в страну и когда умерла мать, и когда ушел отец.

В речи на стадионе в Анн-Арборе перед выпускниками Мичиганского университета, профессором которого станет, он скажет несколько простых вещей.

В частности, «старайтесь быть добрыми к своим родителям... старайтесь не восставать против них, ибо, по всей вероятности, они умрут раньше вас, так что вы можете избавить себя по крайней мере от этого источника вины, если не горя».

Еще он посоветует: «Старайтесь не обращать внимания на

тех, кто попытается сделать вашу жизнь несчастной. Таких будет много — как в официальной должности, так и самоназначенных.

Терпите их, если вы не можете их избежать, но как только вы избавитесь от них, забудьте о них немедленно».

Также: «Всячески избегайте приписывать себе статус жертвы... Каким бы отвратительным ни было ваше положение, старайтесь не винить в этом внешние силы, историю, государство, начальство, расу, родителей, фазу луны, детство, несвоевременную высадку на горшок и т. д.»

Исключительный ум и достоинство отливают личный опыт в безукоризненные формулы.

Он хлебнул на этой земле всего:

режимного существования в СССР, включающего тюремные нары и сылку;

любви, включающей предательство;

славы, включающей отчаяние, неврастению и страх смерти;

смерти в США, включающей полное освобождение.

В советском суде, судившем Бродского за тунеядство, на вопрос, почему он не работал, последовал ответ: «Я работал. Я писал стихи». Тем и вошедшая в историю судья Савельева спрашивала: «А кто это признал, что вы поэт?» «Никто...» — отвечал Бродский, в свою очередь, интересуясь: «А кто причислил меня к роду человеческого?»

Ему было 24, и подруга его, 75-летняя Анна Ахматова, говорила: «Рыжему делают судьбу».

В 1987-м ему была присуждена Нобелевская премия по литературе.

Он был рыжий. Он был еврей. Он был нелепый. Он окончил всего восемь классов и больше никогда и нигде не учился. Все дальнейшее было самообразование. Самостояние. Самоосуществление. В 15 лет он выступил в Доме культуры ленинградской промкооперации, обвинив Евгения Рейна то ли в декадентстве, то ли в формализме, но главным образом в том, что стихи его

Он любил немногих. Однако — сильно.

непонятны простым рабочим. Рейну 20: разница огромная. Тогда Иосифа называли «ВР», смеясь над ним. Поскольку он сызмала претендовал на величие. «ВР» означало «великий русский поэт». «Сжимающий пайку изгнания», он будет сравнивать себя в ссылке, разумеется, с Овидием. Он был «ВР», и он был как все. Он жил с мамой-бухгалтером и папой-фотокорреспондентом в знаменитом доме Мурузи на Литейном, где до него обитали Гиппиус с Мережковским. Носил длинные волосы, брюки дудочкой, ходил развигнанной «свинтовой» походочкой, умирал от запретных Дюка Эллингтона и Эллы Фитцджералд, которых слушал по ночам по старому отцовскому радиоприемнику, тоже запрещенному. Система разрешений и запретов достанет его. Через пару-тройку лет, вися на поручнях переполненного 47-го автобуса, он крикнет громко товарищу: «Я решил не принимать!»... Только посвященный товарищ мог понять, о чем речь: пара фраз Маяковского, сказавшего, что для него не было вопроса, принимать или не принимать большевистскую революцию.

Со счетчиком Гейгера Иосиф пропал в геологических партиях — то в горах Тянь-Шаня, то в Якутии, то на Белом море, то на Дальнем Востоке. Вся страна искала уран, и он искал уран. Заработав за какой-то срок гроши, остальное время жил на них, именно чтобы не висеть ни у кого на шее. Томик Баратынского произвел на него сильнейшее впечатление, он вместе с двумя коллегами захотел угнать самолет, чтобы переправиться за границу. Самолет был учебный, без людей. Дело происходило в Самарканде. Попытка не удалась. По возвращении в Ленинград он был схвачен и брошен в КПЗ. На трое суток. Через трое суток отпущен. Его знакомому дали работу в журнале «Костер», туда привели Бродского: нало помочь. Бродский получил предложение написать стихи для детей каким-нибудь интересным образом, например, в форме креста или звезды. Бродский быстро набросал строку: «Под мостом течет Нева, быстрая такая». Перевернул лист бумаги и так же быстро написал крестнакрест: «Над Невой стоит Че-

ка, страшная такая». Получился знак решетки.

Так что, как видим, любить Бродского у Советской власти причин не было.

Известный детский поэт Маршак расплакался, как ребенок, узнав о суде над Бродским: «Когда я начинал жить — кругом была эта мерзость, и вот теперь, когда я уже старик, опять».

В тюрьме и на пересылке рыжий пересказывал «братве» и охране сюжеты виденных им трофейных фильмов — «Леди Гамильтон», «Газовый свет» и прочих. Это улучшало его материальное и моральное положение.

Хуже физических мук, однако, были муки душевные. «К несчастью, а может быть, и к счастью для меня, — приговор по времени совпал с большой моей личной драмой, с изменой любимой женщины и так далее, и так далее...».

Иосифа любила самая красивая женщина Ленинграда — Марина Басманова.

А он любил ее. Кажется, больше, чем она его. Может, не сначала, но потом.

В его жизни было много женщин. «Помню очаровательное, светло-палевое с темносиним рисунком платье, ярко-красный халат поутру — и лютую ненависть животного, которое догадывается о том, что оно животное, в два часа ночи», — рисовал он портрет литературоведки, которую называл «моя шведская вещь» и которая скрашивала ему тоску ПЕН-овского конгресса в Рио. «Моя юная боевая подруга» бродила бледной тенью в другом сочинении. Была ли она Мария или иная?

Говорили, он не мог быть один. Это бывает при болезнях сердца. Такой страх умереть, когда гонится почти любая подругой. Он называл вещи своими именами. Оттеняя горнее одиночество связями великосветскими и вполне демократическими — и кто скажет, с разбором или без разбора, — тем не менее долго не женился.

Юная прелестная Мария, знатная итальянка русского происхождения, стала женой на склоне лет его. Хотя о склоне в те дни никто не думал: Мария родила Иосифу дочь.

Марина Басманова родила Иосифу сына. Она была бере-

менна от Иосифа, когда в ее жизнь вошел Дмитрий.

Их называли «ленинградской четверкой»: Иосиф Бродский, Евгений Рейн, Анатолий Найман и Дмитрий Бобышев. Бобышев был белокурый ангел. Красавица металась от Иосифа к нему и обратно. Рейн и другие, составившие ленинградскую общность, осудили Бобышева. Антисоветчики заглядывали в чужую постель ровно с той же страстью, что их гонители. Бобышев был подвергнут остракизму. А он был юн, и был соперник. Он воспитывал сына Бродского, Андрея, когда тот родился.

Оба уехали в эмиграцию в Америку — Бродский раньше, Бобышев позже. Марину никто из них с собой не взял.

Марина иногда разговаривала с Иосифом по телефону. Через океан. Был случай, нелестно оценила какие-то строчки стихов. Иосиф откликнулся в том же духе, что рядом с ним некому сказать ему-то, а она далеко.

«Я любил немногих. Однако — сильно».

Над этими стихами нет посвящения М. Б. Над другими есть:

«Дорогая, мы квиты. Больше, друг к другу мы, точно оспа, привиты среди общей чумы».

Сын Андрей был в Венеции на перезахоронении праха Бродского.

В начале 60-х девушка, за которой Бродский ухаживал, подарила ему на день рождения книжку-гармошку с видами Венеции. Глядя на них, Бродский поклялся себе, что если когда-нибудь выберется из родных пределов, то отправится зимой в Венецию, снимет комнату в подвальном помещении (по другим данным, в старинном замке), с окнами вровень с водой, сочинит двести элегии, гася сигареты о влажный пол (по другим данным, кидая окурки прямо в канал), а когда деньги иссякнут, приобретет не обратный билет, а дешевый браунинг и — пустит себе пулю в лоб.

В Ленинграде он мечтал о Венеции.

В Венеции что-то напоминало ему Ленинград. Но в тех же 60-х он написал:

«Ни страны, ни погоста не хочу выбирать. На Васильевский остров я приду умирать».

Он никогда не вернулся на Васильевский остров.

Он сказал, что всегда предпочтет страну, из которой можно уехать, стране, из которой нельзя.

Увидев кадры русских танков, ползущих по афганской равнине, он, по его словам, больше суток просто на стены лез. И не в том дело, что было стыдно за Россию: это он проходил в пятьдесят шестом, во время венгерских событий, и в шестьдесят восьмом, после Чехословакии. В Афганистане его добило то, что танки насиловали землю, которой даже плуг ни разу не касался. Он говорил: будь создана интербригада, как во времена войны в Испании, он бы сел за руль машины Красного Креста.

Если вам повезло выбрать себе в собеседники Бродского, вы о том не пожалуете, хотя жизни это вам не облегчит.

«Я часто думаю, насколько все бессмысленно — за двумя-тремя исключениями: писать, слушать музыку, пытаться думать. А остальное... Сколько бессмыслицы всю жизнь приходится делать, платить налоги, подсчитывать какие-то цифры, писать рекомендации, пылесосить квартиру... Помните, когда мы в прошлый раз сидели в кафе, барменша стала что-то доставать из холодильника, не важно что... открыла дверцу наружу, нагнулась и начала там шуровать. Голова внутри, все остальное торчит наружу. И так стояла минуты две. Я посмотрел, посмотрел и вообще как-то жить расхотелось!»

Проговорив это, он засмеялся.

Он жил на тех вершинах духа, где сильно разрежен воздух, где все видно, а дышать больно.

Знаменитейшее из знаменитого:

«Что сказать мне о жизни? Что оказалась длинной. Только с горем я чувствую солидарность.»

«Но пока мне рот не забили глиной, из него раздаваться будет лишь благодарность.»

Ольга КУЧКИНА.